

DOI 10.25688/2076-913X.2020.38.2.19

**Рецензия на монографию
В.С. Воронина «Фантазия, абсурд,
многозначные логики и триалектика
в творчестве Леонида Леонова»
(Ульяновск: УлГТУ. 2019. 254 с.)**

Данная работа представляет собой дальнейшее углубление авторской концепции литературы, развиваемой В.С. Ворониным с момента выхода книги «Законы фантазии и абсурда в художественном тексте» (Волгоград, 1999). Хотя исследование сосредоточено на творчестве Л. Леонова, во введении, названном по ошибке издательства или умыслу автора «ведением», затрагиваются «Крейцера соната» Л. Толстого, поиски полюса истины в сказках о правде М. Горького и М. Исаковского. И самой страшной сказкой о найденной правде оказывается сказка Л.М. Леонова. Дорога к ней найдена, Господь дал добро на ее встречу с людьми, но лучше от этого не стало. «Ведение» в самом деле ведет читателя по полю взаимодействия фантазии и абсурда с таблицами истинности логических систем и ранней лирикой Л. Леонова, которую писатель в принципе не желал видеть опубликованной в собрании своих сочинений. Однако, начиная с библейских прародителей, все запреты нарушаются.

Осмысление бессмыслицы периода перехода от Первой мировой войны к революции и Гражданской войне, начатое в лирике юного Леонова, смыкается с переосмыслением в финале жизни новой нелепицы в конце века: гибели великой державы и возвращения России к капитализму. В этом отношении слово «абсурд» оказывается ключевым не только для литературоведения, но и для истории. Впрочем, как полагал Б.Ф. Поршнев, создание бессмыслиц — одно из двух основных родовых отличий человека вообще, второе, правда, тоже не очень красит гордого человека как представителя вида, «систематически практикующего умерщвление себе подобных» (Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. М.: Академический проект, 2009. С. 424). Можно сказать, что одна из философских основ исследования — работы этого замечательного ученого.

Вторая основа — триалектика — новое философское направление, появившееся в конце XX в. и поднявшее на щит третью линию в философии — линию Парменида. В русской философии она представлена работами П.Я. Сергиенко. В художественном мире, где вещь и мысль о вещи составляют единство

в сознании автора и взаимодействуют в сознании реципиента текста, данное теоретическое положение оказывается плодотворным.

Анализируя «Крейцерову сонату», В.С. Воронин показывает, что у Толстого колебания героини на грани жизни и смерти прямо зависят от мыслей и слов персонажей: супруга оказывается в пограничной области между жизнью и смертью, а ее убийца муж стоит неподвижно, всю энергию вложив в мысль об исправлении содеянного. Он ждет чуда, и оно почти совершается: «Она вскочила на ноги, вскрикнула: — Няня! он убил меня!» (Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 20 т. М., 1964. Т. 12. С. 207). Происходит кратковременное воскрешение человека, как раз для того, чтобы жертва окончательно убила себя словом.

Вслед за Т.М. Вахитовой исследователь отмечает в ранней лирике Леонова наличие тем и образов, свойственных «Пирамиде» — последнему роману писателя. Только озвучивает это со ссылкой на годы активного Солнца, по А. Чижевскому, и на королей-арлекинов не только леоновского «Карнавала», но и реальной действительности в петле времени леоновского творчества. Юный Леонов далек от христианского смирения и благочестия. В поэме «Земля» всемогущий Господь допускает, чтобы дьявол похитил Землю прямо из его рук, однако в погоню за ним пускает своего гонца Солнце, которое оказывается одновременно «источником правды и лжи» (Воронин В.С. С. 22). Таким образом божественная логика совмещает противоположности, взаимодействие которых превращается в игру неопределенностей, исследованию которой в прозе Леонова автор уделяет значительное место и в последующих главах монографии.

В главе «Миражи истории и кризис исчислимости мира в прозе раннего Л. Леонова» исследователь говорит о парадоксах греха и покаяния в «Деяниях Азлазивона» и «Гибели Егорушки», обнаруживая глубокую родственность святых и грешников. В «Конце мелкого человека» в кризисную эпоху Гражданской войны, в муках голода и холода в персонажах Леонова проглядывает и сумасшедшее животное, и человек, преодолевающий свои первичные биологические инстинкты.

Автор монографии показывает, что в изображаемом писателе ходе истории противостоящие друг другу силы крутят колесо истории в противоположные стороны, но оно от этого лишь убыстряет ход. В «Записях Ковякина» Леонов отвергает идею о том, что бунтарское начало заносится в маленький городок извне. Оно глубоко укоренено в этой патриархальной старине, и в его обществе трезвости в особенности: «Всякий непьющий, вступающий в общество, начинал пить и допивался до столпов, целиком» (Леонов Л.М. Собр. соч.: в 10 т. Т. 1. М., 1982. С. 290). Конечно, можно сказать, что это не сам Леонов, а Ковякин, но это только усиливает точность диагноза человека, видящего проблему изнутри. В.С. Воронин показывает, что «сотворение бессмыслиц» продолжается в Гоголеве и в научно-техническом плане. Но оно идет рядом

с возникновением другой логики. Изобретенная Дмитрием Терлюковым машина изменяет своему назначению — облегчить жизнь человека: «Между “включено” и “не включено” оказывается третье состояние: самовключение, от воли человека не зависящее». (Воронин В.С. С. 59).

Вторая глава посвящена исследованию романов, предшествующих «Пирамиде», и органически продолжает первую. Исследователь отмечает, что сбой счета времени в последнем издании «Барсуков» очень символичен. Создается впечатление, что писатель забыл свой прежний текст, где братьев Павла и Семена разделяло два года, а теперь, в заново написанном эпилоге, их разделяет несколько минут. Более того, Леонов их заметно состарил. Они крутили колесо истории в разные стороны и устали, потеряв смысл в этом кручении. В притче о Калафате автор монографии усматривает и бунт против оцифрованного мира, и крушение башни, происшедшее от вполне земной причины, ибо на каждый кирпич приходилось по жулику.

Работа В.С. Воронина интересна и привлечением концепций квантовой физики к анализу художественных произведений. В «Воре» исследователь усматривает игру неопределенностей и параллельность открытий в научной и художественной картинах мира. Роман появился в 1927 г., когда Гейзенберг открыл свое соотношение неопределенностей. В «Соти» и «Скутаревском» главные персонажи обнаруживают своего рода волновую природу, глубокий внутренний дуализм в своих переживаниях и чувствах, прозревающих будущее. Автор монографии показывает, что романы «Дорога на Океан» и «Русский лес» очень далеки от «фатального оптимизма» (Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература. 1950–1990-е годы: в т. Т. 1. М., 2003. С. 35). Как полагает автор, предельно символичен и прогностичен открытый Леоновым в «Дороге на Океан» «закон железнодорожных катастроф. Площадь крушения была обратно пропорциональна его размаху» (Леонов Л.М. Собр. соч.: в 10 т. Т. 6. М., 1983. С. 16). Опасность феодализации социализма косвенно затрагивает Варя — подруга главной героини «Русского леса» — перед своей смертью при выполнении задания в тылу врага. А последние слова у смертной черты, конечно же, имеют особое значение. Она предрекает, что столетие для перехода к эпохе бесклассового строя слишком маленький срок.

Последний роман Л. Леонова всколыхнул волну исследовательского интереса к творчеству великого русского писателя, заставил поискать ключи от «Пирамиды», подвергнув изучению весь творческий путь автора, и отчасти обновить методологию исследования. В этом романе принципы авторской творческой фантазии выходят на просторы Вселенной, затрагивают прошлое, настоящее и будущее и, начиная с обозначения его жанра как романа-наваждения, автор освобождает себя от сковывающих воображение пут реальности. Но, как показывает автор рецензируемой работы, он все-таки к ним и выходит. Привлечение многозначных логических систем позволяет обнаружить новые смыслы в исследуемом романе. С самых первых строк писатель говорит

о грядущей глобальной катастрофе, но потом отодвигает ее все дальше и дальше за горизонт видимости. Обнаруживается цикл чередования противоположностей в микро-, макро- и мегамире художественного пространства. Автор монографии показывает, что в леоновской «Пирамиде» и вся вселенная — переливание из пустого в порожнее, и малая невзрачная травка имеет космологическое значение. Это как знак бесконечности, опрокинутая восьмерка, торсион Сергиенко, где, с одной стороны, в точку стягивается Вселенная, а с другой стороны, точка расширяется в нее. На грани игры почти нулевых вероятностей священник Матвей Лоскутов выходит победителем в схватке с самим дьяволом и с историческим временем — тридцатыми годами XX в. Финал истории теряется в тумане неопределенности: с помощью ангела Дымкова история оказалась полностью просмотренной-познанной, но, по словам того же ангела, люди могут успеть переписать ее. Проводя сопоставление двух завещаний — историка Б.Ф. Поршнева «О начале человеческой истории» и автора романа «Пирамида», — В.С. Воронин сопоставляет две критики истории человечества, версии начала и конца цивилизации, предложенные ими, ответы на вопрос о переходе человеческого разума на новый уровень развития или исчезновении его.

Рецензируемая монография написана в русле междисциплинарного подхода к исследованию художественного произведения, оригинальна по своей методологии, и, несомненно, будет с интересом прочитана не только леоноведами, но и читателями, интересующимися судьбами русской словесности и культуры.

А.А. Дырдин